

ПЕНСИИ РАБОЧИХ УРАЛЬСКИХ КАЗЕННЫХ ЗАВОДОВ В 50-х ГОДАХ XIX ВЕКА

В русской буржуазной исторической литературе, относящейся к истории промышленности и рабочего класса России, имеется общая характеристика правового положения рабочих дореформенного периода и отдельных сторон трудового законодательства, сложившегося в период предистории пролетариата.

Специально вопросу о фабричном законодательстве посвящена книга Л. Н. Нисселовича¹, в которой, к сожалению, более полно представлено законодательство XVIII и 1-й четверти XIX века, десятилетия же, на которые падает все большее обострение кризиса феодально-крепостнической формации, не изучены.

В большинстве работ дается разбор и оценка фабричного законодательства, показ различных сторон жизни и быта рабочих в капиталистический, пореформенный период. Правовое положение рабочих в крепостной период не является в этих трудах предметом специального исследования, о годах, предшествовавших реформе, упоминается, как правило, попутно, мимоходом².

По характеру оценки положения дореформенных рабочих и состояния трудового законодательства имеющиеся в дореволюционной литературе работы могут быть поделены на две группы. К первой следует отнести работы, носящие сугубо апологетический характер. В них преувеличивается роль и значение законодательства в улучшении условий труда и быта рабочих и провозглашается «всеобщее благоденствие» и благополучие их в результате «неослабных забот правительства»³. Авторы же большинства

---

¹ Нисселович, Л. Н. История фабрично-заводского законодательства. СПб., ч. I и II.

² Литвинов-Фалинский, В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. 1904, ч. I и II.

Балабанов, М. Фабричные законы. Киев, 1905.

Балицкий, Г. Фабричное законодательство в России. М., 1906.

Поссе, В. Основы рабочего законодательства. История рабочего законодательства в России. СПб, 1906.

Янжул, И. И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. СПб, 1907.

Быков, А. Н. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб. 1909.

³ Мозель, Х. Пермская губерния. 1864.

Белов, В. Исторический очерк уральских горных заводов. 1896. и др.

трудов, относящихся ко второй группе, видя тяжелое положение рабочих, признавая наличие отдельных законодательных актов о труде, не смогли понять социального смысла законодательства и дать ему соответствующую оценку. Им свойственно утверждение об отсутствии системы законодательства. Как первые, так и вторые одинаково далеки от истины.

Заслугой советских историков является то, что уже в первые годы они обратились к выявлению, публикации, научному осмыслению и оценке документальных материалов о действительном положении рабочих России в феодальный и капиталистический периоды. Естественно, в поле зрения оказались и отдельные аспекты рабочего вопроса, в том числе и фабричное законодательство. В 20-е годы появляется ряд ценных публикаций, на основании которых делается попытка объективно оценить как уровень развития рабочего законодательства, так и степень влияния его на фактическое положение рабочих дореволюционной России. Следует отметить, что влияние буржуазной исторической науки в это время было еще очень сильно, о чем свидетельствует наличие статей и публикаций, мало чем отличающихся в своей теоретической основе от взглядов предшественников⁴. Большую ценность представляет относящаяся к тому же времени серия публикаций К. А. Пажитнова⁵, которые впоследствии вошли составными частями в его известную книгу «Положение рабочего класса в России»⁶. Наряду с данными о развитии русской промышленности в книге приводится богатый, для своего времени, материал о численности заводского населения, путях формирования его состава, использовании женского и детского труда, заработной плате, условиях труда, а также о развитии законодательства по рабочему вопросу. Материалы, относящиеся к уральской горнозаводской промышленности, представлены неравномерно, их больше по отношению к XVIII веку — времени создания большинства уральских предприятий. В соответствии с общим планом книги 50-е годы XIX века в общей массе материала автором не выделены. В главе VII, посвященной характеристике санитарных условий и обеспечению при потере трудоспособности, К. А. Пажитнов дает отдельные сведения о развитии законодательства, о правах ра-

⁴ Айзенберг. Быт крестьян на частных заводах и рудниках Оренбургского края накануне освобождения от крепостной зависимости. Архив труда в России, кн. I и II, 1922.

Кулишер, И. М. Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (в дореформенное время). Постановка в литературе. Там же, кн. 1.

⁵ Пажитнов, К. А. 1) Заработная плата рабочих при крепостном праве. Там же, кн. III; 2) Продолжительность рабочего времени при крепостном праве. Там же, кн. IV; 3) Рабочая дисциплина на фабриках и заводах при крепостном праве.

⁶ Пажитнов, К. А. Положение рабочего класса в России, т. 1. Петриод крепостного труда, Петроград, 1923.

бочих на выход в отставку, получение пенсии самим рабочим или его семьей и о богадельном содержании⁷. Материал этой главы включает данные по всей России, положение рабочих Урала в 50-е годы XIX века специально не рассматривается.

В последующие годы интерес советских историков к истории и предыстории рабочего класса был исключительно велик. Это привело к всестороннему, тщательному изучению документальных материалов и к вдумчивому исследованию вопросов, связанных с формированием кадров рабочих в феодальный и капиталистический период. Но далеко не сразу была создана подлинно научная, марксистская история рабочего класса. Наряду с изданием путаных, не имеющих ценности для науки книжек⁸, были сделаны успехи, в накоплении фактического материала о положении рабочих, извлечение его из различных источников, проверка и систематизация. Это дало возможность создать сводные работы проблемного характера⁹.

Огромное значение для создания марксистской истории рабочего класса России имеет капитальная публикация документов по рабочему движению XIX века, подготовленная к печати коллективом историков и архивистов¹⁰. Отдельным томам сборника предпосланы вступительные статьи А. М. Панкратовой, представляющие собой в совокупности очерк истории рабочего класса в России в XIX веке. Для истории Урала в дореформенный период большое значение имеет вступительная статья к первому тому, так как в ней подняты важнейшие вопросы истории уральских рабочих этого периода. Но и после выхода в свет данного труда остались неосвещенными отдельные стороны правового положения уральских рабочих, в частности, о пенсионном обеспечении их лишь кратко упоминается¹¹.

К сожалению, и в специальных историко-правовых исследованиях последних лет не освещается вопрос о законах, дававших рабочим казенных предприятий дореформенного периода право на выход в отставку и получение пенсии. Не сделано это ни в работах, посвященных специально правовому положению рабочих в первой половине XIX века¹², ни в книге И. И. Шелымагина, ав-

---

⁷ Пажитнов, К. А. Положение рабочего класса в России, т. 1. Период крепостного труда, Петроград. 1923, стр. 179, 182 и 185.

⁸ Балабанов. М. Очерки по истории рабочего класса в России. ч. 1. Крепостная Россия. 1926.

⁹ Рашин, А. Г. Формирование промышленного пролетариата в России. 1940.

¹⁰ Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов под ред. А. М. Панкратовой. 1951, тт. I, II и III.

¹¹ Панкратова, А. М. Волнения рабочих в крепостной России первой половины XIX века. Вступительная статья к сб. «Рабочее движение в России в XIX в.», т. I. 1951, стр. 57 и 70.

¹² Давидович, Я. И. Правовое положение и регулирование труда промышленных рабочих в царской России (первая половина XIX в.)

тор которой пытался показать фабрично-трудовое законодательство России в его историческом развитии¹³.

Горное законодательство 40-х — 50-х годов прошлого века представляло мастеровым и урочнорабочим уральских казенных горных заводов ряд прав. Регламентация условий их труда, предусматривавшая сроки службы, рабочее время, обязанности, нормы выработки, оплату труда, снабжение, их права была зафиксирована в многочисленных статьях Устава горного. Рабочими частных заводов совокупность статей Устава горного, по аналогии с предшествующим горным законодательством (Горное положение 1806 г. и др.), именовалась «штатами». В годы кануна реформы, как и в предшествующие десятилетия, среди рабочих частных заводов популярным было требование, выдвигавшееся в ходе многочисленных волнений¹⁴, о распространении «штатов» казенных заводов на заводы частные, о предоставлении рабочим всех заводов тех прав, которые законом были определяемы для заводов казенных. Те, на кого распространялись эти права, составляли в общей массе рабочих уральских горных заводов незначительную долю. Если на всех уральских заводах к концу 50-х гг. насчитывалось 307 300 мужских душ или условно 153 600 рабочих¹⁵, то число рабочих на казенных заводах

Автореферат докторской диссертации. Вестник Ленинградского университета, № 2, 1948, стр. 141—145.

Давидович, Я. И. Правовая организация крепостнической дисциплины труда в русской промышленности (первая половина XIX века). Вестник Ленинградского университета № 23, 1956, стр. 131—143.

¹³ Шельмагин И. И. Фабрично-трудовое законодательство в России. М. Юриздат, 1947. Первая глава этой работы называется «Предыстория фабрично-трудового законодательства в России».

¹⁴ Кулагина Г. А. Волнения рабочих уральских горных заводов в 50-х гг. XIX в. «Ученые записки» Свердловского государственного педагогического института, вып. 14. Свердловск, 1957.

¹⁵ Сведения об общей численности рабочих в 50-х гг. XIX века в исторической литературе, да и в архивных материалах довольно разноречивы. Уточнение этих данных представляет значительные трудности, так как даже в официальных документах того времени учет проводился по-разному: в ряде округов учитывали «обращающихся в работы», в других учитывались «рабочие поденщины», в большинстве же случаев на основании данных ревизий учитывались все «мужские души». Но и в этом случае, когда объект учета был один, например, мужская душа, цифры часто имеют большие расхождения. Так в статистическом отчете за 1857 год указывается, что на всех частных заводах числится 209272 души мужского пола (ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 3, д. 955, л. 35), другой официальный документ указывает на этот же год 216841 душу мужского пола (ЦГИАЛ, ф. 37, о. 5, д. 565 л. 13). Еще более значительными являются расхождения в двух различных документах на 1858 год: 218163 души мужского пола (ЦГИАЛ, ф. 37, о. 3, д. 987, л. 18) и 234762 души мужского пола (ЦГИАЛ, ф. 37, о. 5, д. 602, л. 42). В

равнялось 34 200¹⁶. Правда, следует отметить, что некоторые права рабочих казенных заводов, в частности, право о сроках службы и отставке распространялись законом на тех, кто трудился на частных (посессионных) заводах, считаясь «данными от казны»¹⁷. Владельцы заводов делали все зависящее от них для того, чтобы эта группа рабочих, обременявшая заводчиков излишними заботами, все уменьшалась за счет незаконного перевода «данных от казны» в разряд «заводских крепостных».

В настоящей статье будет рассмотрен вопрос о том, что собой представляло и как преломлялось в заводской практике 50-х гг. XIX века право рабочих казенных заводов на выход в отставку и получение пенсии по истечении определенного срока «беспорочной» службы¹⁸. Рабочим частных заводов это право казалось серьезной привилегией, так как их труд на заводах владельца был бессрочным, пожизненным и закон не предусматривал каких-либо денежных пособий со стороны владельца старым и нетрудоспособным¹⁹.

В соответствии со статьями 248-й и 271-й Устава горного права это распространялось «исключительно на мастеровых, постоянно находящихся в заводских работах»²⁰. Урочнорабочие же «...хотя и были по 349 статье Устава горного сравнены в правах с нижними и рабочими чинами, но по силе 362 и 382 статей того же Устава, получали содержание только за время исполнения работ и... несли службу при заводах не постоянную, а определенное число дней в году, с правом в остальное время заниматься хлебопашеством»²¹. Для горной администрации эти два фактора (непостоянность работ по «уроку» и наличие пахотных и сенокосных участков) являлись основанием для того, чтобы соответствующие статьи Устава горного об отставке и пенсиях не были распространяемы на урочнорабочих, составлявших от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ всей рабочей силы казенных заводов²².

большинстве исследований за фактическое число рабочих принимается условная цифра, полученная от деления числа всех мужских душ по последней переписи на 2 (принято считать, что половину составляют «негодные в работы» — старики и дети).

¹⁶ «Памятная книжка для русских горных людей на 1863 год». СПб, стр. 21, 24 и 55.

¹⁷ Устав горный, статья 378.

¹⁸ В 1847 г. Уставом горным для рабочих уральских казенных заводов был установлен 35 летний срок службы, начиная с 18-летнего возраста.

¹⁹ Исключение составляли, как указывалось выше, «данные от казны».

²⁰ ГАСО, ф. 43, о. 1, д. 367, л. 415.

²¹ Там же.

²² Вопрос о распространении этого права и на урочнорабочих по сообщению министра финансов Рейтерна «...неоднократно рассматривался в различных инстанциях, официального решения по нему нет до сих пор» (сентябрь 1863 г. — Г. К.).

Таким образом, количество рабочих, которые могли претендовать на отставку и пенсию, тем самым сразу же было сокращено на $\frac{1}{2}$ или $\frac{2}{3}$, а дальше оно еще более уменьшалось за счет невыслуживших срока, за счет «порочных» и, наконец, просто в результате произвола горной администрации в разных инстанциях.

Богатейший документальный материал, отложившийся в архивах заводских и окружных контор, Уральского горного правления, департамента горных и соляных дел и корпуса горных инженеров²³, свидетельствует о том, что на практике положение рабочих казенных заводов, юридически имевших ряд прав, мало чем отличалось от положения их собратьев на заводах частных. Происходило это потому, что осуществление данных прав в условиях крепостнической действительности и существования военно-полицейского режима на горных заводах Урала было крайне затруднено. Чиновничье-бюрократическая машина, созданная в николаевские времена, продолжала безотказно действовать и в годы подготовки реформы, превращая «права» рабочих в права на бумаге.

Каковы же были эти права?

В отличие от крепостных крестьян и рабочих частных заводов мастеровые и урочнорабочие казенных заводов юридически имели право гражданства Российской империи, приводились к присяге на «верноподданство»²⁴. Статья 254-я Устава горного предписывала приводить к присяге тех из детей мастеровых и урочнорабочих, кто достигал 18-летнего возраста и переходил в разряд «полных», «годных» работников. С этого момента они вступали в казенную службу на правах военнослужащих.

Однако принесение присяги и получение «гражданских» прав мало что изменяло в положении мастеровых и урочнорабочих казенных заводов. Больше того, на практике эти «права» использовались для того, чтобы заставить рабочих безропотно подчиняться всем требованиям заводской администрации. Юридически считаясь гражданами, мастеровые и урочнорабочие согласно статье 310-й Устава горного не имели права подавать прошения или обращаться с какими бы то ни было жалобами, минуя свое начальство. Этого неукоснительно требовала высшая горная администрация. Она неоднократно предупреждала, что нарушающие это правило «будут неминуемо подвергаться взысканию»²⁵. Крепостническая действительность и накануне реформы была такова, что, будучи «гражданином», мастеровой и урочнорабочий казенного завода без разрешения заводской конторы не мог даже вступать в брак. Требовалось, чтобы со стороны заводского начальства и на этот счет не было «препятственных причин»²⁶.

²³ ГАСО, фонды 24, 43 и др. ЦГИАЛ, фонд 37 и др.

²⁴ В 1741 году крепостные устранились от принесения присяги на верность.

²⁵ ГАСО, ф. 28, о. 1, д. 1552, л. 170.

²⁶ Там же, о. 2, д. 1583, л. 113.

Являясь рабочим определенного казенного завода, такой «гражданин» не мог распорядиться собой по своему усмотрению. Заводское начальство и окружная контора могли отправить его в случае надобности на любой завод данного округа на «одну треть» (четыре месяца), «две трети», а иногда и на год. Подобное принудительное передвижение мастеровых, с отрывом от семьи и привычных бытовых условий, было широко распространено²⁷ и достаточно ярко показывало, что собой на практике представляли гражданские права рабочих казенных заводов. В пределах данного завода часто практиковался перевод мастеровых на положение урочнорабочих и наоборот. Причем, личное желание рабочих в этих случаях не принималось в расчет, жалобы и ходатайства, просьбы об оставлении «в первобытном состоянии» отвергались начальством²⁸.

Говоря о гражданских правах рабочих казенных заводов, следует помнить о том, что их жизнь и трудовая деятельность были организованы на военный лад и строго регламентировались Уставом горным и различными рабочими положениями.

Значительная часть этих «граждан» по закону подвергалась телесным наказаниям. С введением «штатов» 1847 года для казенных заводов и военизацией быта рабочих было узаконено разделение всего заводского населения на две категории: нижние и рабочие чины²⁹. К числу первых относились мастера. Звание мастера мог дать рабочему «в награду за искусство, усердие и хорошее поведение» горный начальник. Он же волен был и лишить этого звания, если находил нужным. Правда, позже в дополнение к Уставу горному появилась статья, на основании которой звания мастера лишали «не иначе как по суду»³⁰. Однако статья эта вызвала возражения ряда горных начальников, так как ее введение при сохранении старой, по которой горные начальники имели право лишать звания и наказывать без суда, «привело к несоответствию». Началось длительное (с 1850 по 1858 год) обсуждение этого вопроса в различных инстанциях. Поскольку по закону

---

²⁷ Наблюдения сделанные по именованным спискам рабочих Нижне-Исетского казенного завода за 1853 год показывают, что примерно половина рабочих постоянно подвергается таким передвижениям на длительные сроки. ГАСО, ф. 28, о. 1, д. 1370.

²⁸ ГАСО, ф. 28, о. 1, д. 1495, д. 1533, д. 1339 и др.

²⁹ «Нижние и рабочие чины составляют низший после чиновников класс заводских людей: нижние чины сравниваются с унтер-офицерами, а рабочие — с рядовыми военной службы. К числу нижних чинов принадлежат: уставщики, или кондукторы, межевщики, пробирщики, мастера, писари, чертежники, фельдшера и аптекарские ученики. Все сии чины имеют общее название урядников (унтер-шихтмейстеров); к сословию рабочих принадлежат мастеровые и урочные рабочие (непременные работники) также подмастеры, писцы и цеховые ученики». Свод законов, 1857 г., т. 7, статья 305.

³⁰ ГАСО, ф. 43, о. 1, д. 125, л. 2.

возведение в звание мастера влекло за собой «изъятие от телесных наказаний», в Совете корпуса горных инженеров было принято решение, на основании которого главному начальнику уральских горных заводов было предписано избирать в мастера «со строгою разборчивостью относительно нравственности»³¹, а для кричных мастеров, как «наиболее опасной» части рабочих, был установлен годичный испытательный срок.

Если перед реформой вопрос об «изъятии от телесных наказаний» самой незначительной по численности части рабочих — мастеров вызвал столь оживленные дебаты в среде горной администрации, то тот факт, что основная масса рабочих, юридически считавшихся гражданами, по-прежнему подвергалась телесным наказаниям, никого из горных начальников не беспокоил и на повестку дня не ставился.

Среди прав, отличавших рабочих казенных заводов от остальной массы уральских горных рабочих, была и срочность службы. «Штатами» 1847 года для рабочих уральских казенных заводов устанавливался 35-летний срок обязательной службы с началом исчисления его с 18-летнего возраста³².

В начале 1852 года в министерстве финансов был поднят вопрос о сокращении сроков службы рабочих казенных заводов до 30 лет. Решено было узнать мнение начальников горных округов. Министерство интересовало «...будет ли убыль пополняться за счет достигших 18-летнего возраста, не потребуется ли рекрут, и сколько, и ... не могут ли некоторые заводские производства оскудеть»³³.

За сокращение сроков службы высказались горные начальники Гороблагодатского, Пермского и Воткинского округов, хотя их и пугал недостаток земель при заводах для раздачи вышедшим в отставку. По их мнению срок службы следовало сократить, так как мастерового в 48 лет (после тридцати лет заводских работ) все равно приходится переводить на более легкие работы, а на его место брать нового человека «в силе», способного «исправлять уроки». Но это мнение не разделяли начальники остальных округов, и главный начальник уральских горных заводов в своем донесении министерству финансов обосновывал неприемлемость закона о сокращении сроков службы³⁴. Одним из доводов было то, что при введении этого закона пришлось бы единовременно уволить в отставку 2 941 рабочего (более 8% общего количества), а пополнение «заводских команд» пришлось бы проводить за счет рекрутов или за счет вольного найма мастеровых, вышедших в отставку. Оба эти пути он считал мало приемлемыми и убыточными. Он указывал на непригодность рекрутов к

³¹ ГАСО, ф. 43, о. 1, д. 125, л. 59.

³² Это означало, что годы, проработанные заводским подростком до принесения присяги (с 12 до 18 лет) в расчет не принимались.

³³ ГАСО, ф. 43, о. 2, д. 1930, л. 4.

³⁴ Там же, л. 150.

заводским работам, на большую смертность в силу суровых климатических условий среди тех, кто из рекрутов поступал на работы в Гороблагодатский и Богословский округа. Доводы, изложенные в донесении главного начальника уральских горных заводов, очевидно, показались убедительными, и закон о сокращении срока службы рабочих казенных заводов проведен в жизнь не был. Чиновники из министерства финансов испугались того, что «... с изданием закона, определяющего тридцатилетний срок службы, от произвола каждого рабочего будет зависеть оставаться или не оставаться в заводской службе... чем лучше работник, тем меньше возможности удержать его при заводе после выслуги лет»³⁵. Таким образом, до конца десятилетия срок службы оставался неизменным. Только для мастеровых из рекрутов он был сокращен до 25 лет.

Как уже было указано раньше, юридически все мастеровые и урочнорабочие казенных заводов имели право выхода в отставку по истечении срока службы и право получения пенсии. Фактически же этим правом мог воспользоваться далеко не каждый.

Два раза в году (1-го марта и 1-го сентября) заводские конторы должны были представлять в главную в округе контору материалы на лиц, подлежащих увольнению, в отставку, после чего дела шли в высшие инстанции³⁶. Обычно для решения вопроса об отставке требовалось полгода, год и более. Претендующий на отставку должен был иметь возраст не менее 53 лет с несколькими месяцами. В трудовой стаж, дающий право на увольнение, не включалась работа, выполнявшаяся рабочим до того как он стал «полным годным» (до 18 лет). Таким образом, общий срок работы в цехе, в руднике или курене в момент выхода в отставку был равен фактически не 35, а 41 или 43 годам, так как то же горное законодательство заставляло «обращать в работы всех малолетов» с 10—12 лет.

В случае, когда мастеровой просился в отставку по состоянию здоровья, не доработав положенного срока, требовалось заключение медицинской комиссии, которая, как правило, выносила стандартные решения: «работать может», «причин для отставки нет», или «кроме старости, ничего не замечено». Решения эти часто совершенно не соответствовали диагнозу. В лучшем случае, комиссия, констатировав ту или иную болезнь, выносила решение об «увольнении на свое пропитание» на время; чаще всего на зимнее время, так как зимой объем работ бывал меньшим, и увольнение было безболезненным для производства³⁷. Резолюций

³⁵ ГАСО, ф. 43, о. 2, д. 1930, л. 150.

³⁶ Заводские конторы представляли материалы в окружные, те в Уральское горное правление, а оно в Совет корпуса горных инженеров, решение которого было окончательным.

³⁷ Так, урочнорабочий Нижне-Исетского завода Козьма Баушкин, 51 года, проработавший в общей сложности 36 лет, а с 18-летнего возраста — 33 года, страдающий по заключению медика «пахомошеночной

об увольнении на 3—4 месяца «на нынешнее зимнее время» и «до мая нынешнего» попадают часто. Реже встречается резолюция «на свое пропитание на один год».

Но выход «на свое пропитание» был чреват последствиями. Человеку, воспользовавшемуся данным правом, приходилось позже сожалеть об этом, настолько отрицательно сказывалось на решении вопроса об отставке наличие в формулярном списке такой записи. Так, например, мастерового Нижне-Исетского завода Егора Матвеева, 54 лет от роду, проработавшего 43 года, а с 18-летнего возраста — 36 лет, но дважды увольнявшегося «на год на свое пропитание», в отставку не отпустили. Такая практика была широко распространена, несмотря на то, что декларировалось другое, и главный начальник горных заводов в порядке разъяснения статьи 271-й Устава горного писал: «Время, проведенное горнозаводскими нижними чинами и рабочими в отпусках и на собственном пропитании, за болезнью или прекращением какого-либо заводского производства, из срока действительной выслуги при отставке не вычитается»³⁸.

Другим препятствием при выходе в отставку было наличие недоработок за предшествующие отставке два последних года. Если за рабочим обнаруживалась такая недоработка, то вопрос об отставке не решался до той поры, пока она не была ликвидирована. Надсмотрщикам предписывалось «... понудить к выполнению считающейся недоработки за прежние годы». Только после этого можно было поднять вопрос об отставке.

Отрицательно сказывался при выходе в отставку и факт наказания или «оштрафования» мастерового. Под оштрафованиями в законодательстве и заводской практике середины XIX века понималась система наказаний, включавшая в себя, кроме телесных наказаний всех видов и денежных штрафов, перевод на более тяжелые работы или в смиренно-исправительные казармы на различные сроки, ссылку на отдаленные заводы — Гороблагодатские, Богословские и в Сибирь, на Нерчинские прииски. Помимо наказаний, установленных в официальном порядке и приводившихся в исполнение после соответствующего разбирательства в суде или горной конторе, процветали наказания без всякого «права» и «не про дело», то есть по произволу местной администрации. Все они не проходили бесследно и отражались на судьбе горнорабочего под старость, при попытке его выйти в отставку³⁹.

грыжей», был в январе 1859 г. по резолюции горного начальника Екатеринбургских заводов уволен «на свое пропитание до 1 апреля 1859 г.». ГАСО, ф. 25, о. 1, д. 1872, л. 197.

³⁸ ГАСО, ф. 43, о. 1, д. 108, л. 19.

³⁹ Характерно, что в годы Крымской войны и подготовки реформы, чиновники Уральского горного правления и управители заводов, опасаясь обострения недовольства рабочих, настаивали на том, чтобы применялись только «законные» меры наказаний, чтобы приказчики и исправники заводов не злоупотребляли своими правами. Именно в эти го-

Возьмем для примера данные по Нижне-Исетскому казенному заводу Екатеринбургского горного округа. Здесь в 1854 году только среди рабочих, переведенных на временные работы на Екатеринбургский монетный двор и Березовские золотые промыслы, официально числилось наказанных розгами: по 50 ударов — 3 человека, по 100 ударов — 10, по 150 — 3, по 200 — 4; наказанных шпицрутенами «через 200 человек один раз» — 2 человека, были также наказанные «через 300 человек», «через 400» и более⁴⁰. В 1856 году из числа нижеисетских мастеровых и урочнорабочих, отправляемых на временные работы в распоряжение тех же Екатеринбургской и Березовской контор, было подвергнуто различным видам наказаний 46 человек⁴¹. Среди них «мастеровые ведомства Нижне-Исетского завода: Петр Николаев Зудилин... за второй побег со службы, продолжавшийся 1 месяц и 8 дней, наказан... 200 лозанами. Николай Ермолаев Ситников за третий побег, продолжавшийся 13 дней, наказан шпицрутенами через 300 человек один раз»⁴². Это те, чьи наказания прошли официальный учет, но многие рабочие наказывались на самом заводе, и их «оштрафования» не проходили официальной регистрации, так что полностью восстановить картину трудно.

Наибольшее количество телесных наказаний в 50-х гг. XIX века давалось за «самовольные отлучки от работ» и «бега». Горное правление пыталось представить дело так, что на казенных заводах побег не имели места. Однако многочисленные полицейские дела, переписка заводских контор и формулярные списки рабочих свидетельствуют о том, что и на казенных заводах одной из наиболее распространенных форм протеста против безудержной эксплуатации были массовые побег. Заводское начальство в официальной переписке утверждало, что побег были единичным явлением, что вызывались они «леностью» и «дурным поведением»; в конфиденциальных же бумагах признавалось и огромное количество побегов, и то, что причиной их являлась «тяжесть налагаемых работ».

При выходе мастерового или урочнорабочего в отставку одним

ды частыми являются предписания окружных начальников управителям заводов о том, чтобы «...при учинении наказания лозанами над мастеровыми за проступки отнюдь не выходить из пределов... все наказания непременно вносить в штрафной журнал... число ударов заставлять кого-нибудь считать вслух, что тоже обозначать в штрафном журнале...» (ГАСО, ф. 28, о. 1, д. 1279). Тем, кого били, не было, конечно, легче от того, что велся счет ударам, но начальство считало, что так будет соблюдена законность и обеспечено должное спокойствие на заводах.

⁴⁰ ГАСО, ф. 28, о. 1, д. 1462.

⁴¹ При этом следует отметить, что в данном году по манифесту 27 марта 1856 г. в связи с воцарением Александра II освобождались от наказания все, кому по закону полагалось до 50 ударов розгами.

⁴² ГАСО, ф. 28, о. 1, д. 1462.

из важнейших документов являлась выписка из его «формулярного списка», дающая ответ на вопрос: «был ли штрафован, сколько раз и чем именно». Это был документ о «беспорочности». Но «беспорочных» оказывалось очень мало. Какое значение имели наказания при выходе в отставку, хорошо видно на примере Степана Лямина, который проработал на заводе с 18 лет 42 года (а всего 46 лет 8 месяцев). Он получил отказ на свое прошение об отставке и пенсии. «Уволить нельзя» — гласила резолюция Екатеринбургского горного начальника, так как в деле этого рабочего имелась следующая выписка: «Степан Лямин, 64 лет, в 1821 году за побег от команды наказан шпицрутенами через 100 человек один раз, в 1822 году через 200 человек один раз, в 1827 году через 200 человек один раз, в 1851 году лозанами 30-ю, в 1854 году за самовольную вырубку 2-х сажен квартирных дров — лозанами — 50 ударов»⁴³.

Дела о выходе в отставку подолгу задерживались в окружных конторах, материалы формулярных списков брались под сомнение, по некоторым вопросам собирались данные «повальных обысков» и, в конце-концов, решались чаще всего в отрицательном для просителей смысле. В 1859 году из 35 рабочих Екатеринбургского монетного двора, имевших право на отставку, 16 получили ответ — «в работу», 4 — «уволить на свое пропитание на 4 месяца», 4 — «на один год», 3 — «в госпиталь» и 8 человек умерли, так и не дождавшись решения. Еще более показательны цифры за тот же 1859 год по Екатеринбургской конторе в целом: из 428 человек, просивших об отставке, получили ее только 48, а на прошениях остальных появились резолюции следующего содержания: «в работу» (111), «на свое пропитание» на различные сроки (244), «в госпиталь» (17), восемь человек в резолюции не нуждались (умерли)⁴⁴.

Как видно из цифр, вместо отставки большинство получало право выйти «на свое пропитание». Это не было благом для рабочей семьи, так как сразу же прекращалась выдача провианта и на самого рабочего, и на его жену. Детям до 15 лет продолжали выдавать по пуду муки в месяц, но не из заводских (казенных) фондов, а за счет «богаделенной суммы». Данное обстоятельство затрудняло получение хлеба, так как богаделенные фонды очень часто оказывались растраченными и выдавать из них было нечего.

Уволенный от работ не «в чистую», а на время, имел в качестве «вида» на жительство особый билет и давал подписку не требовать на себя богаделенного провианта. Получившие такой билет находились под наблюдением местного начальства и в случае «восстановления сил» возвращались на завод. Они могли проживать только в пределах тех губерний, где были горные заводы, к которым они принадлежали. Выезжать за пределы губернии им разрешалось местной полицией только на время. Отлучки допу-

⁴³ ГАСО, ф. 25, о. 1, д. 1872.

⁴⁴ Там же, д. 1887.

скались лишь в особых случаях. Если в билете рабочего не оказывалось пометки полиции, то законом предписывалось «отправить его за караулом к ближайшему начальству для поступления с ним по законам, как с военным дезертиром». Словом, начальство не упускало человека из вида и тогда, когда он не работал на заводе.

При увольнении «в чистую» рабочего «исключали из списков наличной команды». Уволенным выдавался паспорт, для написания которого в главную контору сообщались данные о росте и приметах. Оформление паспортов обычно затягивалось на длительный срок. В качестве временного документа конторы выдавали общую справку на нескольких человек из одного селения, с той же целью — помешать их «подвижности».

Выход в отставку не был делом почетным. Пенсионеры даже утрачивали некоторые права. Можно сослаться хотя бы на тот факт, что статья 317-я Устава горного «о поощрениях и изъятии из телесных наказаний»⁴⁵ не распространялась на тех, кто вышел в отставку. Когда Монетная контора особым рапортом обратилась к екатеринбургскому горному начальнику за разъяснением по вопросу «об изъятии из телесных наказаний» двух отставных мастеров, то последовал следующий ответ: «поощряются изъятием от телесного наказания те только, которые стоят на службе, а мастеравые Михаил Абрамов и Долмат Хмелинин находятся уже в отставке... его высокоблагородие не может ныне поощрить означенных мастеровых изъятием от телесного наказания»⁴⁶.

Выход мастерового и урочнорабочего в отставку и получение пенсии влекли за собой утрату прав на земельный участок (покос), полагавшийся по закону на все время работы на заводе. За вышедшим в отставку оставалось право только на «росчисти», но из-за них возникали бесконечные споры: отставной стремился сохранить за собой расчищенные им места, а новый владелец покоса желал присоединить к нему и «росчисти».

Размеры пенсий, назначаемых при увольнении в отставку, были различны. В основу бралась помесечная заработная плата за последние два года перед выходом на пенсию. Из подсчетов, произведенных нами по многим делам, можно установить три группы пенсионеров⁴⁷:

1. Мастера и мастера-урядники 1 и 2 статей с оплатой 120, 72 и 54 рубля в год при выходе на пенсию продолжали получать ту же сумму.

2. Мастерские и урочнорабочие, пенсия которых составляла от 60 до 30% их жалования.

⁴⁵ Устав горный. 317. «Для поощрения нижних и рабочих чинов к лучшему поведению и к лучшим успехам в мастерствах и художествах. Горный начальник отличившихся помещает в особый список, и объявляет их при собрании всей команды изъятиями из телесных наказаний».

⁴⁶ ГАСО, ф. 25, о. 1, д. 1887, л. 140.

⁴⁷ Там же.

3. **Мастеровые и урочнорабочие**, получавшие пенсию в размере 30—25 % их жалования.

Заметим, что уловить закономерность здесь очень трудно. Так, например, мастерскому Воробьеву при жаловании в 10 рублей была назначена пенсия 2 рубля 14 копеек, мастерскому Кагилеву при жаловании в 7 рублей 50 копеек — 2 рубля 30 копеек, мастерскому Берсеневу при жаловании в 7 рублей 50 копеек — 4 рубля 60 копеек. Каковы были «соображения» начальства в каждом отдельном случае, судить трудно. Совершенно ясно одно, что пенсия 2-й и 3-й групп не составляла прожиточного минимума. В урожайный год на годовую пенсию мастерского можно было купить от 8 до 10 пудов муки, в неурожайный — от 2 до 6 пудов.

Анализ ведомостей на получение жалования по годам и месяцам рабочими, выходявшими на пенсию, свидетельствует о широком распространении случаев перевода их в последние два-три года перед отставкой на низкооплачиваемую работу. Так, мастерской Трофим Кошелев, проработавший на заводе в кричной, литейной и слесарной 40 лет с начала службы и 35 лет с 18-летнего возраста, последние два года перед отставкой был переведен на низкооплачиваемую должность сторожа. Поэтому и пенсия ему была начислена всего 2 рубля 30 копеек в год. Даже чиновники из ниже-исетской канторы вынуждены были признать, что пенсия слишком мала и Кошелев «не может прокормиться»⁴⁸. Таких, как Кошелев, было много на уральских заводах. Мастерские, и без того испытывавшие постоянную нужду, с выходом на пенсию превращались в нищих⁴⁹.

Жалобы отставных рабочих казенных заводов на «скудность пенсионера» особенно участились в последние годы перед реформой, когда резко возрасли рыночные цены на хлеб и все продукты первой необходимости, и получаемая пенсия ни в какой мере не обеспечивала существование не только членов семьи, но и самого отставного. Примером может служить жалоба 11 мастеровых Юговского завода Пермского казенного округа⁵⁰, из которой явствует, что размер получаемых ими пенсий был следующим: 2 руб. 38 коп. серебром в год — 1 человек, 3 руб. 80 коп. — 3 человека, 5 руб. — 4 человека, 5 руб. 72 коп. — 2 человека и 7 руб. 50 коп. — 1 человек⁵¹.

⁴⁸ ГАСО, ф. 28, о. 1, д. 1533.

⁴⁹ Рабочий Нижне-Исетского завода Алексей Пинегин просил о назначении ему с семьей «какого ни на есть содержания»... «...в службу я вступил из крестьян в 1807 году и прослуживши 42 года, уволен в отставку, состоя теперь сам 65 лет и имея при том жену, трех малолетних детей... трех круглых сирот, оставшихся от умершего сына, но к пропитанию себя и означенного семейства по старости своей и при слабости сил совершенно не нахожу средств». ГАСО, ф. 28, о. 1, д. 1534, л. 195.

⁵⁰ ГАСО, ф. 43, о. 1, д. 371, лл. 15—24.

⁵¹ Цена муки доходила в Юговском заводе до 65—70 коп. за пуд.

Часть из этих 11 мастеровых в дополнение к пенсии получала «пособие» хлебом в следующих размерах: 4 пуда в месяц—1 человек (у него трое детей от 3 до 9 лет), 3 пуда—1 человек (он вдов, у него четверо детей от 9 до 14 лет), 2 пуда—1 человек, 1 пуд—5 человек и «без пособия»—остальные 3 человека. Шесть человек из 11 имели дом, корову и покос, у одного числится лошадь с указанием, что деньги за нее не заплачены.

И все же, несмотря на мизерность «пенсионеров», рабочим частных заводов право на получение их с выходом в отставку по закону казалось свидетельством благополучия. Не случайно поэтому в годы кануна и осуществления реформы на различных посессионных заводах Урала—Сысертских⁵², Нижне-Сергинских⁵³, Верх-Исетских⁵⁴ и других—все чаще встает вопрос об увольнении в отставку с присвоением пенсии мастеровых, состоящих на правах «данных от казны». В ряде случаев на этой почве возникают даже волнения, так было, например, в Сысертских заводах в июле 1854 г.⁵⁵

Подводя итоги можно сказать, что право на выход в отставку и получение пенсии, полагающейся мастеровым уральских казенных заводов по Уставу горному, на деле не было тем благом, каким оно представлялось массе рабочих частных заводов. Практика показывала следующее: во-первых, лишь незначительный процент мастеровых казенных заводов, имевших это право по закону, выходил в отставку с пенсией, а основная их масса (свыше 90%) никаких пенсий не получала и умирала «на работе» или «на собственном прокормлении»; во-вторых, права на пенсию были лишены урочнорабочие—то есть до $\frac{2}{3}$ рабочих казенных заводов; в-третьих, из числа вышедших на пенсию только единицы получали ее в размере, равном среднему ежегодному жалованию. Пенсии же подавляющего большинства были ничтожны и ни в какой мере не являлись прожиточным минимумом.

---

⁵² ГАСО, ф. 12, о. 1, д. 1580, лл. 10—13.

⁵³ ГАСО, ф. 14, о. 1, д. 115.

⁵⁴ ГАСО, ф. 72, о. 1, д. 3680, лл. 1—32; о. 2, д. 394, лл. 1—13; о. 3, д. 3226, лл. 14—15 и 31—42; д. 3240, л. 41.

⁵⁵ ЦГИАЛ, ф. 37, о. 41, д. 37 и ГАСО, ф. 43, о. 2, д. 1447.